

Посвящаем эту книгу товарищам
по школе имени Достоевского.

Авторы

ПЕРВЫЕ ДНИ

Основатели республики Шкид. —
Воробышек в роли убийцы. — Сламщики. — Первые дни

На Старо-Петергофском проспекте в Ленинграде среди сотен других каменных домов затерялось облупившееся трехэтажное здание, которому после революции суждено было превратиться в республику Шкид.

До революции здесь помещалось коммерческое училище. Потом оно исчезло вместе с учениками и педагогами.

Ветер и дождь попеременно лизали каменные стены опустевшего училища, выкрашенные в чахоточный серовато-желтый цвет. Холод проникал в здание и вместе с сыростью и плесенью расплзался по притихшим классам, оседая на партах каплями застывшей воды.

Так и стоял посеревший дом со слезящимися окнами. Улица с очередями, с торопливо пробегающими людьми в кожанках словно не замечала его пустоты, да и некогда было замечать. Жизнь кипела в других местах: в совете, в райкоме, в потребиловке.

Но вот однажды тишина здания нарушилась грохотом шагов. Люди в кожанках, с портфелями, пришли, что-то осмотрели, записали и ушли. Потом приехали подводы с дровами.

Отогревали здание, чинили трубы, и наконец прибыла первая партия крикливых шкетов-беспризорников, собранных неведомо откуда.

Много подростков за время революции, голода и Гражданской войны растеряли своих родителей и сменили семью на улицу, а школу на воровство, готовясь в будущем сделаться налетчиками.

Нужно было немедленно взяться за них, и вот сотни и тысячи пустующих, полуразрушенных домов снова приводили в порядок, для того чтобы дать кров, пищу и учение маленьким бандитам.

Подростков собирали всюду. Их брали из «нормальных» детдомов, из тюрем, из распределительных пунктов, от измученных ро-

дителей и из отделений милиции, куда приводили разношерстную беспризорщину прямо с облавы по притонам. Комиссия при губоно сортировала этих «дефективных», или «трудновоспитуемых», как называли тогда испорченных улицей ребят, и оттуда эта пестрая публика распределялась по новым домам.

Так появилась особая сеть детских домов-школ, в шеренгу которых стала и вновь испеченная «Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского», позднее сокращенная ее дефективными обитателями в звучное «Шкид».

Фактически жизнь Шкиды и началась с прибытия этой маленькой партии необузданных шкетов. Первые дни новорожденной школы шли в невообразимом беспорядке. Четырнадцати- и тринадцатилетние ребята, собранные с улицы, скоро спаялись и начали бузить, совершенно не замечая воспитателей.

Верховодить сразу же стал Воробьев, прозванный с первого дня Воробышком — отчасти из-за фамилии, отчасти из-за своей внешности. Он был маленький, несмотря на свои четырнадцать лет, и за все пребывание в школе не вырос и на полдюйма. Пришел Воробей вместе с парнем по фамилии Косоров, из нормального детского дома, где он собирался убить заведующего школой.

Как-то летним вечером Воробьева по приказу завдетдомом не пустили гулять, и он поклялся жестоко отомстить за такое зверство. На другой день Косоров — его верный товарищ — достал ему револьвер, и Воробьев пошел в кабинет заведующего. Косоров стоял у дверей и ждал единственного выстрела — другого не могло быть, так как в револьвере был один патрон.

Что произошло в кабинете, осталось неизвестным. Выстрела Косоров так и не услышал, а видел только, как раскрылась дверь и разъяренный заведующий стремительно протачил за шиворот бледного Воробья.

Впоследствии Воробьев рассказывал, что, когда он скомандовал «руки вверх», заведующий упал на колени и лишь осечка испортила все дело.

За это неудавшееся покушение и за целый ряд других подвигов Воробья перевели в Шкиду. Вместе с ним был переведен и его верный товарищ — Косоров.

Косарь, в противоположность Воробью, был плотным здоровяком, но всегда ходил хмурый. Таким образом, соединившись в «сламу», они дополняли друг друга.

Жить «на сламу» означало жить в долгой и крепкой дружбе. Сламщики должны были всем делиться между собой, каждый должен был помогать своему другу.

Придя в Шкиду, сламщики сразу поставили дело так, что остальные шесть шкетов боялись дохнуть без их разрешения, а заика Гога стал подобострастно прислуживать новым законам.

Состав педагогов еще не был подобран. Воспитанникам жилось вольготно.

День начинался часов в одиннадцать утра, когда растрепанная кухарка вносила в спальню вчерашний обед и чай.

Не вставая с кровати, принимались за шамовку.

Воробей, потягиваясь на кровати, грозно покрикивал тоненьким голосом на Гогу:

— Поддай суп! Принеси кашу!

Гога беспрекословно выполнял приказания, бегая по спальне, за что милостиво получал в награду папироску.

Шамовки было много, несмотря на то что в городе, за стенами школы, сидели еще на карточках с «осьмушками». Происходило это оттого, что в детдоме было пятнадцать человек, а пайков получали на сорок. Это позволяло первым обитателям Шкиды вести сытную и даже роскошную жизнь.

Уроков в первые дни не было, поэтому вставали лениво, часам к двенадцати, потом сразу одевались и уходили из школы на улицу.

Часть ребят под руководством Гоги шла «крохоборствовать», собирать окурки, другая часть просто гуляла по окрестным улицам, попутно заглядывая и на рынок, где, между прочим, прихватывала с лотков зазевавшихся торговцев незначительные вещицы вроде ножей, ложек, книг, пирожков, яблок и т. д.

К обеду Шкида в полном составе собиралась в спальне и ждала, когда принесут котлы с супом и кашей. Столовой еще не было, обедали там же, где и спали, удобно устраиваясь на койках.

Сытость располагала к покою. Как молодые свинки, перекатывались питомцы по койкам и вели ленивые разговоры.

«Крохоборы» разбирали мерзлые «чинаши», тщательно отдирая бумагу от табака и распределяя по сортам. Махорку клали к махорке, табак к табаку. Потом эта сырая, промерзлая масса раскладывалась на бумаге и начиналась сушка.

Сушили после вечернего чая, когда с наступлением зимних сумерек появлялась уборщица и, громыхая кочергой и заслонками, затапливала печку.

Серенький, скучный день проходил тускло, и поэтому поминутно брызгающая красными искрами печка с веселыми язычками пламени всегда собирала вокруг себя всю школу. Усевшись в кружок, ребята рассказывали друг другу свои похождения, и тут же на краю печки сушился табак — самая дорогая валюта школы.

Полумрак, теплота, догорающие в печке поленья будили в ребятах новые мысли. Затихали. Каждый думал о своем. Тогда Воробей доставал свою балалайку и затягивал тоскующим голосом любимую песню:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила...

Песню никто не знал, но из вежливости подтягивали, пока Гога, ухарски тряхнув черной головой, не начинал играть «Яблочко» на «зубарях».

«Зубари», или «зубарики», были любимой музыкой в Шкиде, и всякий новичок прежде всего старательно и долго изучал это сложное искусство, чтобы иметь право участвовать в общих концертах.

Для зубарей важно было иметь слух и хорошие зубы, остальное приходило само собой. Техника этого дела была такая. Играли на верхних зубах, выщелкивая мотив ногтями четырех пальцев, а иногда и восьми пальцев, когда зубарили сразу двумя руками. Рот при этом то открывался широко, то почти совсем закрывался. От этого получались нужной высоты звуки. Спецы по зубарям доходили до такой виртуозности, что могли без запинки сыграть любой самый сложный мотив.

Таким виртуозом был Гога. Будучи заикой, он не мог петь и всецело отдался зубарикам. Он был одновременно и дирижером, и солистом шкидского оркестра зубарей. Обнажив белые крупные зубы, Гога мечтательно закидывал голову и быстрой дробью начинал выбивать мелодию. Потом подхватывал весь оркестр, и среди наступившей тишины слышался отчаянный треск зубариков.

Лица теряли человеческое выражение, принимали тупой и сосредоточенный вид, глаза затуманивались и светились вдохновением, свойственным каждому музыканту. Играли, разумеется, без нот, но с чувством, запуская самые головоломные вариации, и в творческом порыве не замечали, как входил заведующий.

Это означало, что пора спать.

В первые дни штат Шкиды был чудовищно велик. На восемь воспитанников было восемь служащих, хотя среди них не было никого лишнего. Один дворник, кухарка, уборщица, завшколой, помощница зава и три воспитателя.

Завшколой — суровая фигура. Грозные брови, пенсне на длинном носу и волосы ежиком. Начало педагогической деятельности Виктора Николаевича уходило далеко в глубь времен. О днях своей молодости он всегда вспоминал и рассказывал с любовью. Воспитанники боялись его, но скоро изучили и слабые стороны. Он любил петь и слушать песни. Часто, запершись во втором этаже в зале, он садился за рояль и начинал распевать на всю школу «Стеньку Разина» или «Дни нашей жизни».

Тогда у дверей собиралась кучка слушателей и ехидно прохаживалась на его счет:

- Эва, жеребец наш заржал!
- Голосина что у дьякона.
- Шаляпин непризнанный!..

Завшколой переехал в интернат с первого дня его основания и поселился во втором этаже.

От интерната квартиру заведующего отделял один только зал, который в торжественные минуты назывался «Белым залом». Стены Белого зала были увешаны плохими репродукциями с картин и портретами русских писателей, среди которых почетное место занимал портрет Ф. М. Достоевского.

В качестве помощницы заведующего работала его жена, белокурая немка Элла Андреевна Люмберг, или просто Эллушка, на первых порах взявшая на себя роль кастелянши, но потом перешедшая на преподавание немецкого языка.

Они-то и являлись основателями школы.

Воспитателей было немного.

Один — студент, преподаватель гимнастики, получивший кличку Батька. Другой — хрупкий естествовед, влюбленный в книжки Кайгородова о цветах, мягкий и простодушный человек, потомок петербургских немцев-аптекарей. Прежде всего «ненормальный» питомник не принял его трудно выговариваемого имени. Герберта Людвиговича сперва переделали в Герб Людовича, потом сократили до Герб Людыча, потом любовно и просто стали звать Верблюдычем и наконец окончательно закрепили за ним имя Верблюд.

Однако Верблюда любили за мягкость, хотя и смеялись над некоторыми его странностями. А их у него было много. То подсмотрят ребята, как Верблюдыч перед сном начинает танцевать в кальсонах, напевая фальшивым голосом мазурку, то вдруг он начнет мучить шкидцев, настойчиво разучивая гамму на разбитом пианино, которое не в добрый час оказалось у него в комнате.

Музыка у Верблюдыча была второй страстью после цветов. Однако все же он играть ни на чем не умел и за все свое пребывание в школе не поразил шкидцев ни одним новым номером, кроме гаммы.

Третий педагог был ни то ни се. Он скоро исчез со шкидского горизонта, обидевшись на маленький паек и на слишком тяжелую службу у «дефективных». Впоследствии он был спортинструктором Всеобуча, а оттуда перешел в мясную лавку на должность «давальца».

ЦЫГАН ИЗ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

Здравствуйте, сволочи! — Викниксор. —
Бальзам от скуки. — Первый поэт республики. —
Однокашник Блока. — Цыган в ореоле славы

Недолго тянулись медовые дни ничегонеделания. Постепенно комплект воспитанников пополнился, появились и приходящие ученики, такие, которых отпускали после уроков домой. Открылись три класса, которые завшколой назвал почему-то отделениями.

Начались занятия. Меньше стало свободного времени для прогулок. К тому же завернули морозы, и ребята все больше отсиживались в спальне, мирно коротая зимние вечера.

В один из таких вечеров, когда весь питомник, сгрудившись, отогревался у печки, в спальню вошел Виктор Николаевич, а за ним показалась фигура парня в обтрепанном казенном пальто.

«Новичок», — решили мысленно шкидцы, критически осматривая нового человека.

Завшколой откашлялся, взял за руку парня и, вытолкнув вперед, проговорил:

— Вот, ребята, вам еще один товарищ. Зовут его Николай Громосцев. Парень умный, хороший математик, и вы, надеюсь, с ним скоро сойдетесь.

С этими словами Виктор Николаевич вышел из комнаты, оставив ребят знакомиться.

Колька Громоносцев довольно нахально оглядел сидевших и, решив, что среди присутствующих сильнее его никого нет, независимо поздоровался:

— Здравствуйте, сволочи!

— Здравствуй, — недружелюбно процедил за всех Воробьев. Он сразу понял, что этот новичок скоро будет в классе коноводом. С появлением Громоносцева власть уходила от Воробья, и, уже с первого взгляда почувствовав это, Воробышек невзлюбил Кольку.

Между тем Колька, нимало не беспокоясь, подошел к печке и, растолкав ребят, сел у огня.

Ребята посторонились и молча стали оглядывать новичка. Вызывающее поведение и вся его внешность им не понравились.

У Кольки был зловещий вид. Взбитые волосы лезли на прямую лоб. Глаза хитро и дерзко выглядывали из-под темных бровей, а худая мускулистая фигура красноречиво утверждала, что силенок у него имеется в достатке.

Путь, по которому двигался Громоносцев к Шкиде, был длинный путь беспризорного. Пяти лет он потерял отца, а позже и мать. Без присмотра, живя у дальних родственников, исхулиганился, и родственники решили сплавить юнца поскорее с рук, сдав его в Николо-Гатчинский институт.

Родственники получили облегчение, но институт не обрадовался такому приобретению. Маленький шкетик Колька развернулся вовсю: дрался, ругался, воровал и неизвестно чем закончил бы свои подвиги, если б в это время институт не расформировался.

Но Колька — сирота, и его переводят в другое заведение, потом в третье. Колька так много сменил казенных крыш, что и сам не мог их перечислить, пока наконец воровство не привело его в Александро-Невскую лавру.

Когда-то лавра кишела черными монашескими скуфьями и клобуками, но к прибытию Кольки святая обитель значительно изменила свою физиономию. Исчезли монахи, а в бывших кельях поселились новые люди.

Тихие кельи превратились в общие и одиночные камеры, в которых теперь сидели несовершеннолетние преступники.

Лавра была последней ступенью исправительной системы. Отсюда было только две дороги: либо в тюрьму, либо назад в нормальный детдом.

Попасть в лавру считалось в те годы самым большим несчастьем, самым страшным, что могло ожидать молодого правонарушителя. Провинившихся школьников и детдомовцев пугали Шкидой, но если уж речь заходила о лавре — значит дело было швах, значит парень считался конченным.

И вот Колька Громоносцев докатился-таки до лавры. Три месяца скитался он по камерам, наблюдая, как его товарищи по заключению дуются самодельными картами в буру, слушал рассказы бывалых, перестукивался с соседями, даже пытался бежать. В темную зимнюю ночь он с двумя товарищами проломили решетку камеры и спустились на полотенцах во двор. Поймали их на ограде, через которую они пытались перелезть. Отсидев тридцать суток в карцере, Колька неожиданно образумился. Однажды, явившись к заведующему, твердо заявил:

— Люблю математику. Хочу быть профессором.

Категорическое заявление Кольки подействовало. Громоносцева перевели в Шкиду.

В тот же день, рассмотрев поближе новичка, шкидцы держали совет:

- Как его прозвать?
- Трубочистом назовем. Эва, черный какой!
- Жуком давайте.
- Нет.
- Ну так пусть будет — Цыган.
- Во! Правильно!
- Цыган и есть.

Колька снисходительно слушал, а когда приговор был вынесен, улыбнулся и небрежно сказал:

— Мне все равно. Цыган так Цыган.

...— А почему вы школу зовете Шкид? — спрашивал Колька на уроке, заинтересованный странным названием.

Воробышек ответил:

— Потому что это, брат, по-советски. Сокращенно. Школа имени Достоевского. Первые буквы возьмешь, сложишь вместе — Шкид получится. Во, брат, как, — закончил он гордо и добавил многозначительно: — И все это я выдумал.

Колька помолчал, а потом вдруг опять спросил:

- А как зовут заведующего?
- Виктор Николаевич.
- Да нет... Как вы его зовете?

— Мы? Мы Витей его зовем.

— А почему же вы его не сократили? Уж сокращать так сокращать. Как его фамилия?

— Сорокин, — моргая глазами, ответил Воробышек.

— Ну вот: Вик. Ник. Сор. Звучно и хорошо.

— И правда, дельно получилось.

— Ай да Цыган!

— И в самом деле, надо будет Викниксором величать.

Попробовали сокращать и других, но сократили только одну немку. Получилось мягкое — Эланлюм.

Оба прозвища единогласно приняли.

Однажды Викниксор, бывший Виктор Николаевич Сорокин, любитель всего нового и оригинального, зашел к ребятам и, присев на подоконник, мягко, по-отечески заговорил:

— Вы, ребята, скучаете?

— Скучаем, — печально ответили ребята.

— Надо, ребята, развлекаться.

— Надо, — поддакнули опять шкидцы.

— Ну если так, то у меня есть идея. Школа наша расширяется, и пора нам издавать газету.

Ребята погмыкали, но ничего не ответили, и Викниксору пришлось повторить предложение:

— Давайте издавать газету.

— Давайте, Виктор Николаевич. Только... — замялся Косарь, — мы это не умеем. Может, вы сделаете?..

Предложение было смелое, но Викниксор согласился:

— Хорошо, ребята, я вам помогу. На первых порах нужно руководство. Так что — ладно, устроим.

Скоро о беседе забыли.

Но завшколой, увлеченный своей идеей, не остыл.

Каждый вечер в маленькой канцелярии дробно стучала пишущая машинка. Это готовился руками самого Викниксора первый номер шкидской газеты.

В то же время питомник стал замечать рост популярности Цыгана.

Колька уже не ходил мокрой курицей, новичком, а запросто, товарищески беседовал с завшколой и долгие вечера коротал с ним за шахматной доской.

— Ишь, стерва, подлизывается к Викниксору, — злобно скулили ребята, поглядывая на ловкого фаворита, но тот и в ус не дул и по-прежнему увивался около зава.

— Не иначе как кляузником будет, — разжигал массы Воробей.

Ребята слушали и озлоблялись, но Цыган не обращал внимания на хмурившихся товарищей, хотя было обидно, что до сих пор с ним никто не желал дружить, а тем более повиноваться ему так, как повиновались Воробышку.

Дело в том, что Шкида только тогда начинала уважать своего товарища, когда находила в нем что-нибудь особенное — такое, чего нет у других.

У Воробья это было. У него имелась балалайка, паршивая, расстроенная в ладах балалайка, и умение кое-как тренькать на ней. Из всех воспитанников никто этой науки не осилил, и поэтому единственного музыканта уважали.

У Цыгана еще не было случая завоевать расположение товарищей, но он искал долго, упорно и наконец нашел.

Однажды, сидя в кабинете завшколой за партией в шахматы, Колька, победив три раза подряд, четвертую игру нарочно провалил.

Приунывший Викниксор повеселел. Несмотря на свои пятнадцать лет, Колька хорошо играл в шахматы, и завшколой редко выигрывал. Поэтому он очень обрадовался, когда загнанный и зашарованный его король вдруг получил возможность дышать, а через шесть ходов Колька пропустил важное передвижение и получил мат.

— Красивый матик. Здорово вы мне влепили, — притворно восторгался Цыган, разваливаясь в кожаном кресле. — Очень красивый мат, Виктор Николаевич.

Викниксор расцвел в улыбке:

— Что? Получил? То-то, брат. Знай наших.

Цыган минуту выждал, тактично промолчав, и дал Викниксору возможность насладиться победой. Потом, переменив тон, небрежно спросил:

— Виктор Николаевич, а как насчет газеты? Будете выпускать или нет?

— Как же, как же. Она уже почти готова, — оживился Викниксор. — Только вот, брат, материалу маловато. Ребята не несут. Приходится самому писать.

— Да, это плохо, — посочувствовал Колька, но Викниксор уже увлекся:

— Ты знаешь, я и название придумал, и даже пробовал сам заголовки нарисовать, но ничего не вышло, плохо рисую. Зато весь номер уже перепечатан, только уголок заполнить осталось. Я пробовал и стихи написать, да что-то неудачно выходит. А ведь когда-то гимназистом писал, и писал недурно. Помню, еще, бывало, Блок мне завидовал. Ты знаешь Блока — поэта знаменитого?

— Знаю, Виктор Николаевич. Он «Двенадцать» написал. Читал.

— Ну вот. Так я с ним в гимназии на одной парте сидел, и вот, бывало, сидим и пишем стихи, всё своим дамам сердца посвящали. Так ведь, представь себе, бывало, так у меня складно выходило, что Блок завидовал.

— Неужели завидовал? — удивлялся Колька.

— Да. А вот теперь совсем не могу писать — разучился.

— А я ведь с вами, Виктор Николаевич, как раз об этом и хотел поговорить, — деликатно вставил Цыган.

Завшколой удивленно взглянул.

— Ну-ну, говори.

Колька помялся.

— Да вот тоже, вы знаете, попробовал стишки написать, принес показать вам.

— Стишки? Молодец. Давай, давай сюда.

— Они, Виктор Николаевич, так, первые мои стихи. Я их о выпуске стенгазеты написал.

— Вот, вот и хорошо.

Тон заведующего был такой ободряющий и ласковый, что Колька уже совсем спокойно вытащил свои стихи и, положив на стол, отошел в сторону.

Завшколой взял листочек и стал читать вслух:

Ура, ребята! В нашей школе
Свершилось чудо в один миг.
И вот теперь висит на стенке
Своя газета — просто шик.

Прочтя первый куплет, Викниксор помолчал, подумал и сказал:

— Гм. Ничего.

Колька, чуть не прыгая от радости, выскочил из кабинета.

В спальню он вошел спокойный.

Ребята по-прежнему сидели у печки. При его входе никто даже не оглянулся, и Кольку это еще больше обозлило.

— Ладно, черти, узнаете, — бормотал он, укладываясь спать.

Через пару дней Шкида действительно узнала Громоносцева.

— Ты видел, а?

— Что?

— Вот чумичка. Что! Пойди-ка к канцелярии. Позексай, газеты выпустили школьную. «Ученик» называется.

— Ну?

— Ты погляди, а потом нукай. Громоносцев-то у нас...

— Что Громоносцев?

— Погляди — увидишь!

Шли толпами и смотрели на два маленьких листика. Четвертую часть всей газеты занимал заголовок, разрисованный карандашами.

Читали напечатанные бледным шрифтом статейки без подписи о методах воспитания в школе, потом шмыгали глазами по второму листку и изумленно гоготали:

— Ай да Цыган! Ловко оттяпал.

— Прямо поэт.

Колька и сам не поверил, когда увидел свои стихи рядом с большой статьей Викниксора, но под стихами стояло: «Ник. Громоносцев». Оставалось верить и торжествовать.

Стихи были чуть-чуть исправлены, и первое четверостишие звучало так:

Ура, ребята! В нашей школе
Свершилось чудо в один миг:
У канцелярии на стенке
Висит газета «Ученик».

Газета произвела большое впечатление. Читали ее несколько раз. Вызывал некоторое недоумение заголовок, представлявший собою нечто странное. По белому полю полукругом было расположено название «Ученик», а под ним помещался загадочный рисунок — головка подсолнуха с оранжевыми лепестками, внутри которого красовался черный круг с двумя белыми буквами: «Ш. Д.», вписанными одна в одну — монограммой.

Что это означало, никто не мог понять, пока однажды за обедом непоседливый Воронин не спросил при всех заведующего:

— Виктор Николаевич, а что означает этот подсолнух?

— Подсолнух? Да, ребята... Я забыл вам сказать об этом. Это, ребята, наш герб. Отныне этот герб мы введем в употребление всюду. А значение его я сейчас вам объясню. Каждое государство, будь то республика или наследственная монархия, имеет свой государственный герб. Что это такое? Это изображение, которое, так сказать, аллегорически выражает характер данной страны, ее историческое и политическое лицо, ее цели и направление. Наша школа — это тоже своеобразная маленькая республика, поэтому я и решил, что у нас тоже должен быть свой герб. Почему я выбрал подсолнух? А потому, что он очень точно выражает наши цели и задачи. Школа наша состоит из вас, воспитанников, как подсолнух состоит из тысячи семян. Вы тянетесь к свету, потому что вы учитесь, а учеба — свет. Подсолнух тоже тянется к свету, к солнцу, — и этим вы похожи на него.

Кто-то ехидно хихикнул. Викниксор поморщился, оглядел сидящих и, найдя виновного, молча указал на дверь.

Это означало — выйти из-за стола и обедать после всех.

Под сочувствующими взглядами питомника наказанный вышел. А кто-то ядовито прошипел:

— Мы подсолнухи, а Витя нас лужает!

Настроение Викниксора испортилось, и продолжать объяснение ему, видимо, не хотелось, поэтому он коротко заключил:

— Подсолнух — наш герб. А теперь, дежурный, давай звонок в классы.

Таким образом, в один день республика Шкид сделала два ценных приобретения: герб и национального поэта Николая Громоносцева.

Популярность сразу перешла к нему, и первой крысой с тонувшего Воробьиного корабля был Гога, решительно пославший к черту балалаечника и перешедший на сторону поэта.

Воробышек был взбешен, но продолжать борьбу он уже не мог.

Тщетно перепробовал он все средства: писал стихи, которые и сам не мог читать без отвращения, пробовал рисовать, — Шкида холодно отнеслась к его попыткам, и Воробей сдался.

Цыган торжествовал, а слава поэта прочно укрепилась за ним, несмотря на то что газета после первого номера перестала существовать, а сам Громоносцев надолго оставил свои поэтические опыты.

ЯНКЕЛЬ ПРИШЕЛ

Кладбищенский рай. — Нат Пинкертон действует. —
Гришка достукался. — Богородицыны деньги. —
«Советская лошадка». — Гришка в придачу к брюкам. —
Янкель пришел

Еще маленьким, сопливым шкетом Гришка любил свободу и самостоятельность. Страшно негодовал, когда мать наказывала его за то, что, побродивши в весенних дождевых лужах, он приходил домой грязным и мокрым.

Не выносил наказаний и уходил из дому, надув губы. А на дворе подбивал ребят и, собрав орду, шел далеко за город, через большое кладбище с покосившимися крестами и проваливающимися гробницами к маленькой серенькой речке. И здесь наслаждался.

Свобода успокаивала Гришкины нервы. Он раздевался и начинал с громким хохотом носиться по берегу и бултыхаться в мутной, грязной речонке.

Поздно приходил домой и, закутавшись, сразу валялся на свой сундук спать.

Гришка вырос среди улицы. Отца он не помнит. Иногда что-то смутно промелькнет в его мозгу. Вот он видит себя на белом катафалке, посреди улицы. Он сидит на гробу высоко над всеми, а за ними идут мать, бабушка и кто-то еще, кого он не знает. Катафалк тащат две ленивые лошади, и Гришка подпрыгивает на деревянной гробовой доске, и Гришке весело. Это все, что осталось у него в памяти от отца. Больше он ничего вспомнить не мог.

Кузница дворовая с пылающим горном стала его отцом. Мать работала прачкой «по господам», некогда было сыном заниматься. Гришка полюбил кузницу. Особенно хорошо было смотреть вечером на пылающий кровавый горн и нюхать едкий, но вкусный дым или наблюдать, как мастер, выхватив из жара раскаленную полосу, клал ее на наковальню, а два молотобойца мощными ударами молотов мяли ее, как воск. Тяжелые кувалды глухо ухали по мягкому железу, и маленький ручник отзванивал такт. Выходило красиво — как музыка.

До того сжился с кузницей Гришка, что даже ночевать стал вместе с подмастерьями. Летом заберутся в карету непочиненную — усядутся. Уютно, хорошо, потом подмастерья рассказывают страшные

сказки — про чертей, мертвецов, про колокольню с двенадцатью ведьмами.

Слушает Гришка — мороз кожу выпузыривает, а не уходит — жалко оставить так историю, не узнав, чем кончится.

Так бежало детство.

Потом мать повела в школу, пора было взяться за дело, да Гришка и не отвиливал, пошел с радостью.

Учиться хотелось по разным причинам, и главной из них были книжки брата с красивыми обложками, на которых виднелись свирепые лица, мелькали кинжалы, револьверы, тигры и текла красная хромолиитографская кровь.

Гришка оказался способным. То, что его товарищи усваивали в два-три урока, он схватывал на лету, и учительница не могла нахвалиться им за его ретивость.

Однако успехи Гришкины на первом же году кончились. Читать он научился, писать тоже. Он вдруг решил, что этого вполне довольно, и с яростью засел за «Пинкертонов». Никакие наказания и внушения не помогали.

Гришка в самозабвении, затаив дыхание, носился с прославленным американским сыщиком по следам неуловимых убийц, взломщиков и похитителей детей или с помощником гениального следопыта Бобом Руландом пускался на поиски самого Ната Пинкертона, попавшего в лапы кровожадных преступников.

Так два года путешествовал он по американским штатам, а потом мать грустно сказала ему:

— Достукался, скотина. Из школы вышибли дурака. Что мне с тобой делать?

Гришка был искренне огорчен, однако ничего советовать матери не стал и вообще воздержался от дальнейшего обсуждения этого сложного вопроса.

С грехом пополам пристроила мать «отбившегося от рук» мальчишку в другую школу, но Гришка уже считал лишним учение и по выходе из дому прятал сумку с книгами в подвал, а сам шел на улицу, к излюбленному выступу у ювелирного магазина, где стояла уличная часовня. Здесь он садился около кружки с пожертвованиями и двумя пальцами начинал обрабатывать ее содержимое.

Помогала этой операции палочка. Заработок был верный. В день выходило по двугривенному и больше.

Потом пришла война, угнали на фронт брата. Гришку опять вышибли из школы за непосещение. Некоторое время отсиживался он дома, но мать упорно стояла на своем, и вот третья по счету классная доска начала маячить перед Гришкиными глазами.

С революцией Гришка и у себя сделал переворот. На глазах у матери он твердо отказался учиться и положил перед ней потрепанный и выдавший виды ранец.

Напрасно ругалась мать, напрасно грозилась побить — он стоял на своем и упорно отказывался.

И вот мать махнула на него рукой, и Гришка вновь получил свободу.

Таскался по кинушкам, торговал папиросами, потом даже приобрел санки и сделался «советской лошадкой». Часами стоял он у вокзалов, ожидая приезда спекулянтов-мешочников, которым за хлеб или за деньги отвозил по адресу багаж. Но работа сорвалась: слабовата была «лошадка».

Однажды, в тусклый зимний вечер, накинув на плечи продранную братнину шинель и обрядив свои санки, Гришка направился к Варшавскому встречать дальний поезд. Улицы уже опустели. Тихо посвистывая, Гришка подъехал к вокзалу и встал на свое обычное место у выхода. «Лошадок» уже собралось немало. Гришка поздоровался со своими соседями и, поудобнее усевшись на санки, стал ждать.

То и дело со всех сторон прибывали новые саночники, ждавшие «хлебного» поезда.

На углу, у лестницы, кучка ребят-«лошадок» ожесточенно напала на новичков, тоже приехавших с саночками в поисках заработка.

— Чего к чужому вокзалу приперли? Вали вон!

Новички робко топтались на месте и скулили:

— Не пхайся! Местов много. Вокзал не купленный. Где хотим, там и стоим!

Поезд пришел. Началась давка. Саночники наперли, яростно вырывали из рук ошалевших пассажиров мешки.

— Прикажете отвезти, земляк?

— Вот санки заграничные!

— За полтора фунта на Петроградскую сторону!

Гришка, волоча за собой санки, тоже уцепился было за сундук какой-то бабы и робко предложил:

— Куда прикажете, гражданка?

Но гражданка, не поняв Гришку, жалобно заголосила:

— Ах, паскуда! Караул! Сундук тянут!

Гришка, смущенный таким оборотом дела, выпустил сундук. Через мгновение он увидел, как тем же сундуком завладел какой-то верзила, с привычной сноровкой уговаривавший перепуганную старуху:

— Вы не волнуйтесь, гражданочка. Свезем в лучшем виде, прямо как на лихачах!

Становилось тише. Уже «лошадки» разъехали по всем направлениям, а Гришка все стоял и ждал. Остались только он да две старушонки с детскими саночками. На заработок не было уже никакой надежды, но домой ехать с пустыми руками не хотелось.

Вдруг из вокзала вышел мужик, огляделся и гаркнул:

— Эй, совецкие!

— Есть, батюшка, — прошамкали старушки.

— Пожалуйте, гражданин, — тихо проговорил Гришка.

Мужик оглядел трех саночников и с сомнением пробормотал:

— Да нешто вам свезти?

Потом выбрал Гришку и стал выносить мешки, туго набитые картошкой. Гришка испугался. Его сани покряхтывали от тяжести. Уже некуда было класть, а мужик все носил. Гришка хотел было отказаться, но потом с отчаянием решил:

— Эх, была не была, вывезу!

И повез. Везти нужно было далеко, за заставу. Гришка весь вымок от пота, руки его немели, веревка резала грудь, а он все вез. Вечером он, разбитый, пришел домой и принес с собой целых три фунта черного, каленого, смешанного с овсом хлеба. Заработок был по тем временам крупный, но зато и последний. Гришка надорвался.

Дело обернулось совсем плохо. Дома не было даже хлеба, а Гришке нужны были деньги. Он курил и любил лакомиться лепешками с салом на толкучке. Потихоньку стал он воровать из дома вещи: то бабушкину золотую монету, то кофейник.

Потом как-то сразу все открылось. Терпение родительницы лопнуло, и мать, побегав неделю, отвезла Гришку за город в детскую трудовую колонию.

Колония помещалась в монастыре. Тут же в монастыре было и кладбище.

Голодно было, но весело. Полюбил Гришка товарищей, полюбил могилки и совсем было забыл дом, как вдруг разразилось новое несчастье.

К городу подступали белые.

Шли войска, тянулись обозы, артиллерия. Рассыпалась колония по огородам, и, пользуясь случаем, запасались воспитанники картошкой, капустой, редькой и прочей зеленью.

Тут Гришка, под наплывом чувств, вдруг вспомнил родных и начал снабжать их краденой снедью.

Тревожно было в городе. Ухали совсем близко орудия, и стекла дзинькали в окошках. Окутались улицы проволокой и мешками с песком.

Настроение у всех приподнятое. У Гришки тоже. Он пришел в любимый монастырь, в последний раз посмотрел на резные окна и белые кресты на могилках и, ставив две пары валенок из кладовой, ушел, с тем чтобы больше не возвращаться.

Потом еще приют, еще кражи.

Распределительный пункт с трудом отделался от мальчика, дав направление о переводе в Шкиду. Но взяли его только тогда, когда вместе с ним в приданое послали две пары брюк, постельное белье, матрац и кровать.

К тому времени у Гришки выработались свои взгляды на жизнь. Он стал какой-то холодный ко всему, ничто не удивляло его, ничто не трогало. Рассуждал он, несмотря на свои четырнадцать лет, как взрослый, а правилом себе поставил: «Живи так, чтоб тебе было хорошо».

Таким пришел Гришка в Шкиду¹.

Пришел он утром. Его провели к заведующему в кабинет. Вид школы Гришке понравился, но при входе в кабинет зава он немного струхнул.

Вошел тихо и, притворив дверь, стал оглядывать помещение.

«Буржуем живет», — подумал он, увидев мягкие диваны и кресла, а на стенах фотографии в строгих черных рамках.

Викниксор сидел за столом. Увидев новичка, он указал ему рукой на кресло.

— Садись.

Гришка сел и притих.

¹ Подробно о Гришкином детстве рассказано в повести Г. Белых «Дом веселых нищих».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Григорий Бельх, Леонид Пантелеев</i> РЕСПУБЛИКА ШКИД.....	5
<i>Григорий Бельх, Леонид Пантелеев</i> АМЕРИКАНСКАЯ КАША	337
<i>Леонид Пантелеев</i> ШКИДСКИЕ РАССКАЗЫ	
Последние халдеи	353
Банщица	354
Господин академик	356
Графолог	359
Мисс Кис-Кис	361
Маруся Федоровна	364
Налетчик	367
Травоядный дьякон	372
География с изюмом	383
Магнолии	386
Зеленые береты.....	395
Карлушкин фокус	413
Портрет	421
Часы	441
СТАТЬИ	
Только в Шкиду!	493
Где вы, герои «Республики Шкид»?	494
О милосердии	499
Как я стал детским писателем	502

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Григорий Белых</i> ДОМ ВЕСЕЛЫХ НИЩИХ	509
<i>Григорий Белых</i> РАССКАЗЫ	
Лапти	699
Сидорова коза	711
Белогвардеец	715